

ИНТЕРЕСЫ И ЦЕННОСТИ

С. А. Николаев

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СООТНОШЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ И ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. Проблема соотношения «ценностей и интересов» во внешней политике рассматривается в настоящей статье через призму политики США в Центральной Азии в 1991–2008 гг. Показано, почему американской администрации не удалось разрешить ее в рамках доктрины «агрессивного реализма». Подчеркивается, что ставка на ускоренную демократизацию региона без учета местной специфики не позволила Вашингтону в полной мере реализовать свои стратегические задачи в Центральной Азии, в том числе в сфере безопасности и конфигурирования региональной подсистемы международных отношений.

Ключевые слова: США, центральноазиатский регион, Россия, дилемма «ценностей и интересов», «агрессивный реализм», демократизация и безопасность, «Большая Центральная Азия».

Сегодня геополитическая карта центральноазиатского региона отличается завидным разнообразием. Он находится в фокусе внимания многих влиятельных мировых игроков.

Традиционно прочные позиции занимает в нем Россия. Укрепляется на центральноазиатском пространстве Китай. Евросоюз реализует там собственную стратегию «нового партнерства». Действует механизм «Диалог Япония — Центральная Азия». Активно развивают сотрудничество с государствами региона Турция, Иран, Индия, Пакистан, Республика Корея, ряд арабских стран.

Не стоит, разумеется, в стороне от этого процесса и такая мощная держава, как США. Вашингтон стремится расширять политические и экономические связи с центральноазиатскими государствами, взаимодействует с ними по вопросам обеспечения безопасности в регионе. Особое значение приобретает сейчас сотрудничество в целях решения всего комплекса проблем, связанных с урегулированием конфликта в Афганистане.

В первой половине 90-х гг. прошлого века Центральная Азия еще не воспринималась в Вашингтоне как зона каких-то четко сформулированных американских интересов.

Примерно с 1995 г. линия США в отношении Центральной Азии стала меняться. Это происходило под воздействием целого ряда различных обстоятельств. «Крен» российской внешней политики в сторону преимущественного развития связей с Западом стал постепенно выравниваться. 14 сентября 1995 г. президент Б.Н. Ельцин утвердил своим указом «Стратегический курс России с государствами — участниками Содружества Независимых Государств». В соответствии с ним «укрепление России в качестве ведущей силы формирования новой системы межгосударственных, политических и экономических отношений на территории постсоюзного пространства» объявлялось основной задачей российской политики в СНГ¹. Это было воспринято в Белом доме как проявление «неоимперских амбиций».

В результате с началом в 1997 г. второго срока президентства У. Клинтона «между Вашингтоном и Москвой возникла новая сфера напряженности — в бывших советских республиках»². С этого момента можно говорить о переходе американ-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 14 сентября 1995 г. №940.

² См.: Рогов С.М. Администрация Клинтона: подводить итоги еще рано // США и Канада. 2000. №2.

ской администрации к соперничеству с Россией за влияние в Центральной Азии.

За время пребывания в Белом доме У. Клинтона заметно усилились «демократизаторский» и правозащитный компоненты курса США в Центральной Азии. Оказание различных форм экономического и финансового содействия государствам региона так или иначе увязывалось с прогрессом, достигнутым ими в этих областях. В связи с тем что этот прогресс в целом оценивался как недостаточный, объемы реальной американской помощи были сравнительно невелики. Таким образом, в те годы характерная для всей внешнеполитической стратегии Вашингтона дилемма «ценностей и интересов» зачастую разрешалась на центральноазиатском направлении в пользу универсальных ценностей. Это, принимая во внимание местную специфику, снижало привлекательность американской политики. Время покажет, что наличие данной дилеммы будет и дальше сказываться на развитии отношений США с центральноазиатскими странами, предопределяя их волнообразный характер с неизбежным чередованием приливов и отливов.

События 11 сентября 2001 г. послужили мощным катализатором резкого роста внимания к центральноазиатскому региону, оказавшемуся на переднем крае борьбы с терроризмом. Они привели к существенной переоценке Вашингтоном места Центральной Азии в системе своих внешнеполитических приоритетов, так как она приобрела важнейшее значение для осуществления операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане.

США получили реальную возможность для активизации сотрудничества с центральноазиатскими государствами.

Военная кампания по уничтожению террористов в Афганистане, тыловая поддержка которой осуществлялась из Центральной Азии, побудила США к тому, чтобы серьезно заняться проблемами обеспечения стабильности в регионе. В 2002–2003 гг. Вашингтон активно развивал сотрудничество с ними в оборонной сфере, на «подъеме» находились и политические отношения (за исключением Туркменистана).

Именно тогда завершился период определенной «отстраненности» США от центральноазиатских дел. Политика Белого дома в регионе стала более напористой, что дало повод некоторым американ-

ским экспертам обозначить ее как «агрессивный реализм». Центральная Азия уже не воспринималась как «задний двор» России, а приобретала для Вашингтона самостоятельное значение.

Политика «агрессивного реализма» вновь выдвинула на передний план дилемму «ценностей и интересов». По мнению декана факультета политологии Университета Луисвилля (США) Чарльза Зиглера, как в годы президентства У. Клинтона, так и при Дж. Буше-младшем правительству Соединенных Штатов было непросто совместить усилия по вовлечению государств Центральной Азии в процесс сотрудничества в области безопасности с оказанием давления на них по вопросам прав человека, экономических и политических реформ. При этом подходы к «урегулированию» данного противоречия госдепартамента и министерства обороны не совпадали. В дипломатическом ведомстве считали, что содействие развитию демократии в регионе более значимо именно в тот момент, когда он оказался на переднем крае войны с терроризмом. Программы госдепартамента были направлены на поддержку и финансирование политического плюрализма, независимых СМИ, обеспечение верховенства закона и религиозных свобод. В его докладах по правам человека центральноазиатские страны подвергались жесткой критике. Военные же, напротив, обращали внимание в первую очередь на преимущества сотрудничества с ними в сфере безопасности и пытались зачастую приглушить критические замечания дипломатов. Ч. Зиглер полагает маловероятным, что американской администрации, республиканской или демократической, удастся примирить противоречия во внешней политике США между потребностью в обеспечении безопасности и стремлением следовать идеалам содействия развитию демократии и прав человека, так как этот конфликт существовал задолго до начала войны с терроризмом³.

Впрочем, в 2003–2005 гг. США попытались выйти из сложившейся ситуации следующим образом. Был взят за основу тезис о том, что успех американской политики в регионе будет зависеть, прежде всего, от того, насколько прочные корни

³ См.: Зиглер Ч.Э. Стратегия США в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества. // Мировая экономика и международные отношения. 2005. №4. С. 18–19.

пустит там демократия. Поэтому было решено форсировать демократические процессы в центральноазиатских республиках. Одновременно утверждалось, что это укрепит региональную безопасность и повысит результативность борьбы с международной террористической сетью в Афганистане.

Известный российский ученый Геннадий Чуфрин отмечает, что страны Запада во главе с США, вдохновленные «цветными революциями» в Грузии и на Украине, постарались использовать недовольство широких слоев населения Центральной Азии условиями своей жизни для замены существующих режимов на откровенно прозападные под лозунгами развития демократии⁴.

К выполнению этой задачи были привлечены опытные политтехнологи из ведущих американских правительственных и общественных структур, специализирующихся на распространении в мире демократических ценностей.

В марте 2005 г. в результате «революции тюльпанов» был свергнут президент Киргизии А. Акаев, считавшийся, кстати, в Вашингтоне образцовым либеральным лидером.

Буквально вслед за этим в мае 2005 г. вспыхнули волнения в г. Андижане в узбекской части Ферганской долины. Мятежники, связанные с исламистской организацией «Акрамийя», захватили оружие и заложников. Властям пришлось применить силу для восстановления порядка.

События в Киргизии и Узбекистане подтвердили, что вызовы стабильности в регионе исходят не только от исламского экстремизма и международного терроризма, но и от США, вставших на путь экспорта демократии и прямой поддержки «цветных революций»⁵. Они вызвали вполне обоснованную тревогу у правящих элит центральноазиатских государств.

Тогда же ведущими американскими исследовательскими центрами была разработана концепция «Большой Центральной Азии» (БЦА). Она предполагала образование единого пространства Центральной и Южной Азии, которое включало бы в себя Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, а также Афганистан, Индию и Пакистан.

Об этой концепции сказано уже достаточно много. Остановимся, пожалуй, на точке зрения авторов, вышедшей в 2009 г. книги «Годы, которые изменили Центральную Азию». Они полагают, что БЦА нужна США не столько для ухаживания за ростками демократии, сколько для того, чтобы безраздельно управлять всеми экономическими и политическими процессами в регионе без помех со стороны других внешнеполитических игроков (России и Китая), а также структур, где эти игроки лидируют (ОДКБ, ШОС). Между тем переводом стрелок в основном на демократизацию Центральной Азии по западным лекалам, а также на сдерживание здесь России и Китая, администрация Дж. Буша предопределила результаты своей политики в регионе, которая характеризуется ныне значительным снижением эффективности, поскольку потребности транзитных экономик государств региона требуют иных мер и подходов⁶.

Можно выделить несколько ключевых, на наш взгляд, моментов, обозначившихся к началу президентских выборов в США 2008 г.

В рамках доктрины «агрессивного реализма» Вашингтону так и не удалось разрешить дилемму «ценностей и интересов». Приоритеты американской политики в Центральной Азии постоянно менялись, что не позволяло выстроить их четкую иерархию. Оставался открытым вопрос, что представляет для США наибольшую ценность: энергетические ресурсы или военное присутствие и сотрудничество в сфере безопасности, или же прозрачность выборов и свобода СМИ. Пока за океаном рассуждали о том, что Москва является слабым игроком в регионе¹, вдруг выяснилось, что там уже укоренились такие интеграционные структуры с участием России, как ЕврАзЭС, ОДКБ и ШОС. У США же механизм, обеспечивающий взаимодействие с центральноазиатскими странами на постоянной основе, отсутствует. И еще. Линия на ускоренную демократизацию государств региона не оправдала себя не потому, что те категорически отказывались от демократических преобразований, а потому, что она не учитывала их мировоззренческие традиции. Для восточных обществ всегда была характерна склонность к постепенным и неспешным переменам.

---

⁴ Чуфрин Г.И. Россия в Центральной Азии. Алматы, 2010.

⁵ Там же. С. 29–30.

---

⁶ См.: Годы, которые изменили Центральную Азию. М., 2009.

Библиография

1. Годы, которые изменили Центральную Азию. М., 2009. [Gody', kotory'e izmenili Central'nyyu Aziyu. M., 2009]
2. Зиглер Ч.Э. Стратегия США в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2005. №4. [Zigler Ch.E'. Strategiya SSHA v Central'noj Azii i Shanxajskaya organizaciya sotrudnichestva // Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya. 2005. N 4]
3. Рогов С.М. Администрация Клинтона: подводить итоги еще рано // США и Канада. 2000. №2. [Rogov S.M. Administraciya Klintona: podvodit' itogi eshhe rano // SSHA i Kanada. 2000. N 2]
4. Указ Президента Российской Федерации от 14 сентября 1995 г. №940. [Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 14 sentyabrya 1995 g. N 940]
5. Чуфрин Г.И. Россия в Центральной Азии. Алматы, 2010. [Chufrin G.I.]

References (transliteration)

1. Gody, kotorye izmenili Central'nyyu Aziyu. M., 2009. [Gody', kotory'e izmenili Central'nyyu Aziyu. M., 2009]
2. Zigler Ch.E'. Strategiya SSHA v Central'noj Azii i Shanxajskaya organizaciya sotrudnichestva // Mirovaya jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2005. №4. [Zigler Ch.E'. Strategiya SSHA v Central'noj Azii i Shanxajskaya organizaciya sotrudnichestva // Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya. 2005. N 4]
3. Rogov S.M. Administraciya Klintona: podvodit' itogi ewe rano // SSHA i Kanada. 2000. №2. [Rogov S.M. Administraciya Klintona: podvodit' itogi eshhe rano // SSHA i Kanada. 2000. N 2]
4. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 14 sentjabrja 1995 g. №940. [Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 14 sentyabrya 1995 g. N 940]
5. Chufrin G.I. Rossija v Central'noj Azii. Almaty, 2010. [Chufrin G.I.]